

ОТРЯД КОСМОНАВТОВ

Рассказ

*Вот у Коли, например,
Мама – милиционер!
С. Михалков*

Должен сказать, что я не родился сразу сыном милиционера. До трех лет я был сыном учителя литературы, потом какое-то время жил ребенком воспитателя детского сада, потом работника исполкома и только к пять или шести годам стал сыном лейтенанта милиции. Сыном милиционера я стал совершенно случайно, после того как моя мама стала работать в милиции. Когда она в конце пятидесятых годов приехала, окончив пединститут, в Серпухов, места в школе ей не нашлось, поскольку она приехала не по распределению, а за папой, который приехал по распределению на военный завод, принадлежащий министерству морского флота. Папа был инженером-сварщиком и закончил Львовский политехнический институт. Он хорошо учился, и у него было возможно выбрать куда ехать. Папа был человеком основательным, перед распределением взял карту и нашел на ней город Серпухов. Город стоял на реке Оке. У папы с логическими построениями было все хорошо – он сразу догадался, что в Серпухове строить могут только торпедные катера, поскольку ни крейсера, ни подводные лодки по Оке не пойдут, а катера легко. Из Оки в Волгу, а из Волги куда угодно. Когда он приехал в Серпухов, завод оказался радиотехническим, а вовсе не судостроительным, и делали на нем... и сейчас делают, а потому мы эту тему оставим, а вернемся к маме, для которой работы в обычной общеобразовательной школе не нашлось, и пришлось ей работать и в детском садике, и в школе для умственно отсталых детей, и в исполкоме. В исполкоме она не прижилась, потому, что не любила работать с бумагами. В конце концов маме предложили поработать в детской комнате милиции. Так тогда называлась инспекция по делам несовершеннолетних. Дали ей лейтенантскую форму с погонами, свисток, и стала она воспитывать малолетних преступников. Некоторых, правда, нужно было сначала поймать, а уж потом воспитывать.

Однажды в одном из детских садов нашего микрорайона украли ящик или даже два ящика тушенки. По каким-то там оперативным данным выяснилось, что украли несовершеннолетние. Обычно в таких случаях, когда в деле были замешаны подростки, вызывали инспектора по делам несовершеннолетних и отправляли его на поиски преступников. Инспектором была мама. Ее вызвали и сказали – «твой» украли тушенку. Ей так всегда говорили – «твой украли», «твой избили», «твой изнасиловали» – и отправляли на поиски. Мама была тогда очень молода, и как найти тех, кто крал, еще не очень понимала, но старшие товарищи ей помогали советами. Мамин начальник отправил ее в общежитие рабочих папиного завода. Микрорайон у нас был небольшой, и почти все его жители, кроме работников почты, коммунальных служб, школ и милиции

Михаил Бару родился в 1958 году в Киеве. Окончил Российский химико-технологический университет в Москве. Химик и инженер, кандидат технических наук. Стихи и проза публиковались в журналах «Арион», «Знамя» и др. В «Волге» публикуется с 1999 года. Автор нескольких книг стихов и прозы. Составитель первой российской антологии хайку и трехстиший «Сквозь тишину» (2006). Живет в Москве.

работали на военном заводе. Поэтому поначалу, когда мама была участковым инспектором по делам несовершеннолетних, ее подопечные, как правило, были детьми работников завода или сами начинали на нем работать.

Общежитие, в которое пришла мама, было построено еще до семнадцатого года для рабочих текстильной фабрики купцом Рябовым, но и через полвека использовалось по назначению. Кажется, и сейчас используется. Велено маме было найти женщину по прозвищу Колодка, которая знала все, что происходит в округе. Колодка работала в общежитии представительницей самой древней в мире профессии, но к своим обязанностям относилась, видимо, спустя рукава и на работе не горела, а потому ее клиенты дали ей обидную кличку Колодка. Начальник так и сказал маме: «Ты ничего не бойся – поймашь там кого-нибудь и спросишь, где Колодка, а уж она тебе все расскажет». Мама все же побаивалась, поскольку не привыкла еще к такого рода прозвищам, и попыталась выяснить имя этой женщины, но начальник его не знал и даже сказал, что у Колодки... Мы здесь не будем повторять то, что сказал начальник. Не всякая бумага может стерпеть слова капитана милиции.

Так или иначе, а мама пошла в общежитие и у первой попавшейся ей не очень трезвой женщины, одетой в засаленный байковый халат, спросила, как найти Колодку. Женщина посмотрела на маму, уперла руки в боки и сказала: «Это кто тут, (...), Колодка? Я тебе сейчас такую Колодку покажу...». Мама сразу поняла, что задание она провалила. Может, и не сразу поняла, но мгновенно ретировалась и уже во дворе общежития спросила какую-то старушку, мирно дремавшую на солнце: «Тут у вас на кухне так вкусно тушеной пахнет. Суп вы там, что ли, варите? Я бы купила банок пять. Не подскажите у кого? Если, конечно, не очень дорого». Ровно через пять минут к ней вразвалку подошел подросток лет пятнадцати, а еще через пару часов подросток раскаивался в содеянном и давал чистосердечные показания в опорном пункте милиции.

Впрочем, все это могло случиться только в самом начале маминой службы. Через несколько лет работы в детской комнате милиции нашего микрорайона имени Ногина ее уже знала каждая собака. Ходить с ней по улице было невозможно. Ее постоянно кто-то узнавал или она кого-то узнавала. Мама останавливалась поговорить со всеми – со взрослыми потому, что у них были непослушные дети, а детям (иногда это были дети очень большого роста) она всегда задавала множество вопросов – почему прогуливают школу, почему не работают, почему устроили драку улица на улице, и невзначай спрашивала, куда сбыли украденные лобовые стекла от «Жигулей». Мама никогда не спрашивала «крал или не крал», «бил или не бил», «пил или не пил». Она всегда спрашивала «кому продал», «сколько раз ударил и куда», «портвейн пил или водку». Я это запомнил очень хорошо, потому, что мама и мне, и моей сестре задавала точно такие же вопросы, но не про украденное, ударил или выпил, а про то, где был, почему так поздно ушел от своей девушки, хотя я и не собирался к ней даже приходить, и почему от меня пахнет женскими духами «Опиум»? На пять или на десять лет твоя девушка старше тебя?

Кстати, о допросах. В начале семидесятых, когда мама уже заведовала городской инспекцией по делам несовершеннолетних, у нее под началом служил один капитан – большой любитель радиотехники. Он из остатков лампового радиоприемника соорудил детектор лжи и с его помощью допрашивал своих подопечных. Не надо думать, что это был настоящий детектор. Никаких датчиков никто ни на кого не приклеивал, и самописец ничего не регистрировал. Это были просто остатки радиоприемника, но лампы светились, что-то в этих остатках потрескивало, пахло теплой пылью, а капитан сидел в наушниках, крутил ручки настройки и задавал строгим голосом вопросы типа: «кто с тобой пошел вместе бить стекла в пивном ларьке» или «кому вы продали украденный мотоцикл с коляской». Такие допросы всегда проводились один на один, а инспекторы, сидевшие в этой же комнате, уходили, чтобы не мешать, а вернее, не смеяться в самых ответственных моментах допроса.

Однажды мы с мамой пошли в продуктовый магазин в соседнем доме. Минут сорок мы в него шли со всеми остановками и уже почти пришли, но тут мама встретила свою бывшую подопеч-

ную, вставшую, благодаря маминым уговорам, на путь исправления. Это была девушка по имени Лена. Мне тогда было уже лет десять или двенадцать, и я уже мог отличить просто красивую девушку от настоящей красавицы. Лена была просто красавица. Мама стала спрашивать ее о новой жизни, о работе, о муже, который был каким-то начальником в местной жилконторе и считался человеком очень обеспеченным. Правда, не очень молодым. У Лениного мужа был небольшой физический недостаток – он ходил, ставя носки внутрь и как бы загребал ногами, за что его жители нашего микрорайона прозвали «снегоочистителем». Они, вообще его не любили потому, что добиться от него какого-нибудь ремонта крыши или плановой замены батарей было практически невозможно – то фондов не было, то фонды были, но в них не было батарей, то сварщик, который должен был срезать старые батареи и приваривать новые, запил, то батареи завезли, а сантехник, который должен вместе со сварщиком...

Я стоял рядом с мамой и Леной и от нечего делать болтал пустым молочным бидоном. Мама спросила Лену: «Ну как новый муж? Ничего?» На что Лена кратко отвечала: «Ничего, Ларисми-хална, ничего...». Потом помолчала немного, покусала губы и добавила: «Но... без ничего». Тут мама велела мне быстро идти в магазин и становиться в очередь за молоком. Я и пошел, но уже уходя услышал, как Лена шумно вздохнула и сказала... Нет, и через полвека я, пожалуй, не решусь повторить то, что она сказала о своем муже.

Надо сказать, что Лена была девушкой с непростой судьбой. Воровать она начала лет с четырнадцати. Ходила Лена по дворам и предлагала детям записываться в отряд космонавтов. Тогда дети еще хотели стать космонавтами. Подойдет к ребенку с висящим ключом на шее и предложит ему записаться в отряд космонавтов. Еще и спросит – с кем бы он хотел полететь – с Гагариным или с Титовым? Все хотели с Гагариным, а потому к нему всегда очередь была. Понятное дело, что записаться в отряд по-настоящему можно было только со свидетельством о рождении, которое лежало дома в шкафу, в серванте или в тумбочке под телевизором. Родителей, которые были на работе, ждать было некогда – надо было срочно записаться до отлета ракеты с Гагариным. Ребенок вел Лену домой и доставал из серванта свидетельство о рождении. Пока он его доставал Лена доставала деньги, кольца, серьги и прочие ювелирные украшения.

Вычислила Лену мама довольно быстро. Лена была из состоятельной семьи и ни в чем не нуждалась, но любила красиво пожить. И воровать любила. Нравился ей процесс. Воспитывали малолетку, воспитывали... Проводили работу с родителями. Подросла малолетка. Стала ездить в столицу нашей родины. Знакомилась там с иностранцами и... Ну, как это обычно бывает обычно с иностранцами. Однажды договорилась Лена с тремя сирийцами, или ливанцами, или египтянами культурно провести время... Или это уже была не Лена... а Рая...

Нужно сказать, что мама, несмотря на то что подполковник милиции, совершенно не умеет рассказывать. Ее истории всегда перетекают, точнее сказать, перескакивают, одна в другую, а поскольку этих историй у нее множество, то к концу пятой или шестой истории мама напрочь забывает, с чего начала. Они с папой, когда папа был жив, всегда по этому поводу спорили. Даже когда мама рассказывала папе о своей работе, чтобы попросить совета, папа говорил:

– Ты не умеешь рассказывать. Дай я расскажу вместо тебя.

И он рассказывал маме о ее работе. Впрочем, когда папа рассказывал маме о своей работе, мама говорила ему то же самое. Попросить их рассказать вдвоем было невозможно, потому что... Ну, хватит об этом. Переход к другой истории, хоть и не плавный, но сделан.

Сирийцы, с которыми договорилась Рая, обучались в каком-то из наших московских военных училищ или даже академий. Позвала их в Серпухов. Там, сказала, у нее есть как раз две красивых подружки, которые спят и видят... Даже и не спят еще, а легли и ждут не дождутся. Самой собой, она взяла задаток для подготовки встречи и с тем задатком отбыла домой.

В условленное время готовые к разврату ливанцы прибыли в город Серпухов и... не обнаружили в условленном месте ни Раи, ни ее готовых ко всему подружек. И тогда египтяне пошли в милицию. И пришли в нее и стали требовать, чтобы милиция нашла мошенницу и вернула за-

даток. Или нашла Раю как-нибудь потом, но сейчас вернула бы им задаток из государственных средств. Из тех, которые в советском плановом хозяйстве как раз отводятся для таких случаев, когда советские гражданки обманывают доверчивых иностранцев.

Милиционеры в дежурной части сразу поняли – эту историю они смогут рассказывать в любой компании, как говорится, на бис. Поэтому они, сделав каменное лицо, сказали сирийцам, что вот у них лично денег нет, но сейчас они позвонят человеку, который как раз работает с представителями древнейшей... с подобными девушками и всегда имеет при себе деньги на случай вот таких неприятностей. И позвонили.

– Михална, – сказали, милиционеры – тут твои... мать их... таких делов натворили... Натурально международный скандал. Приезжай срочно.

И быстро бросили трубку, чтобы не расхотаться. Мама приехала и увидела, что театр уж полон, ложи блещут, партер и кресла заняты офицерами дежурной части, а в амфитеатре находятся сержанты, старшины и рядовые дяди степы. Когда мама сказала сослуживцам все, что о них думает, она села за стол и строгим голосом приказала дежурному офицеру принести ей телефонный справочник Москвы. Справочник ей мгновенно был подан. Мама хорошо запомнила, что это была дефицитная тогда «Анжелика в Новом Свете», которую читал дежурный лейтенант. К счастью, книга была обернута в газету. Теперь трудно себе представить и дефицитные книги, и обложки, сложенные из старых газет, но именно так оно и было, поверьте. Мама раскрыла книгу, перевернула несколько страниц и тем же строгим голосом спросила сирийцев, ливанцев и египтян, куда ей лучше позвонить – в военное училище, курсантами которого они были, или в посольство? Пока они думали, мама предложила дежурному, чтобы не выгонять иностранных граждан в ночь на улицу в незнакомой стране, посадить их от греха подальше до утра в обезьянник. Ну, а завтра приедут польские или из училища... Она еще и договорить не успела, а трех курсантов вместе с их требованиями уже и след простыл.

На этом месте придется сделать еще один переход к следующему мамину рассказу. Время от времени мы с мамой говорим о Чехове. Если с мамой не говорить о Чехове, то придется говорить о лекарствах, болезнях, непослушных детях, непочтительных внуках, о соседях сверху, не умеющих играть на пианино, но играющих, об их собаке, которая ходит по потолку как слон, гавкает как слон, воеет как слон, когда они уходят на работу, и о том, что прежние времена были нехороши, а как помотришь на нынешние, так и прежние покажутся не таким уж плохими. Поэтому лучше о Чехове, тем более что мама сама с ним обо всем разговаривает. С ним можно и о лекарствах, и о болезнях, поскольку он был врач, можно и о соседской собаке, которые мало чем от нее отличаются – и топают точно так же, как она, и гавкают, когда ругаются. Собака хотя бы не играет на пианино в четыре руки из рук вон плохо. Если бы Антон Павлович, как мама, жил под ними, то уж он-то бы их так описал, что даже собака сгорела бы от стыда. Ко всем грехам соседей они еще и учат детей музыке. Чему они, спрашивается, могут научить детей и чему вообще нынешние учителя могут научить нынешних детей в нынешних школах, в то время как во времена Чехова, в гимназиях... И тут, чтобы хоть как-то отвлечь маму от соседей и проблем нынешнего народного образования, я вспомнил про Беликова, учителя греческого языка, который чуть было не женился, но вовремя умер. Мама на секунду задумалась и вдруг сказала:

– Лет пятьдесят назад знавала я семью Беликовых. Семья была многодетной: то ли четверо, то ли шестеро детей, непутевая мать и отец, которого никто никогда и не видел, поскольку он постоянно отбывал то один, то другой срок. Все дети, как только подросли, встали ко мне на учет в милицию, а их мамашу я лишила родительских прав. Я бы и отца лишила, но поди дождись его из тюрьмы. Впрочем, сколько их было, этих отцов, не знала и сама Нинка.

Жило семейство Беликовых в большой трехкомнатной квартире, в доме, который среди местных жителей назывался «Ха-Ха». С незапамятных времен в одном из подъездов этого, еще до революционной постройки, дома поселилось несколько цыганских семей. Промышляли они в основном самогоноварением, хотя, конечно, не обходилось и без гадания, торговлей дефицитной тогда польской косметикой, а случалось, и проституцией, но последнее больше в нетрезвом виде,

а не корысти ради. Правду говоря, нетрезвый вид случался у них регулярно, и потому все думали... и даже не сомневались.

За самогоном к цыганам сползались окрестные мужики, приезжали за полночь таксисты за бутылкой для своих седоков, а перед праздниками на стакан-другой захаживал и участковый. Ни фамилии, ни имени его история не сохранила. Сохранила прозвище «вещмешок» за некоторые особенности его фигуры, а точнее, за обширный живот, напоминавший не столько вещмешок, сколько висящий не с той стороны огромный туристический рюкзак, с запасом тушенки, круп, копченой колбасы, хлеба, гороховых супов в брикетах, водки, соли и спичек на месяц пути по глухой тайге. Впрочем, в животе участкового все это и присутствовало, кроме, пожалуй, спичек.

Участковый и рассказал моей маме о том, что в семействе Беликовых все, мягко выражаясь, смешалось. Сама Беликова нигде не работала и детьми заниматься не думала. Жила, а точнее сказать, пила она на детские пособия. Вечно голодные дети питались в основном отходами, которыми жильцы дома прикармливали дворовых собак и кошек.

Поскольку речь шла о многодетной мамаше, немедленно на место событий мамой был прислан участковый инспектор по делам несовершеннолетних. От визита инспектора толку, однако, оказалось мало, поскольку пьяная Нинка наотрез отказалась его пускать на порог. Через приоткрытую дверь она предложила инспектору на выбор такое разнообразие интимных отношений, о котором недавняя выпускница тульского пединститута и помыслить не могла в свои двадцать с небольшим лет.

Кое-как успокоив участкового инспектора, с визитом к Беликовым отправилась мама, прихватив с собой наряд милиции. Беседовать через дверь мама не любила, поэтому сразу предложила Нинке ее выломать, чтобы поговорить с глазу на глаз. Та совсем немного подумала и открыла. Краткая беседа прошла в холодной и недружественной обстановке, поскольку даже и сесть гостям было не на что. Из мебели присутствовала только одна кровать, на которой спала хозяйка вместе с каким-то мужчиной. Дети спали на полу. На вопрос мамы, отчего дети спят на полу, а мать на кровати, Нинка отвечала, что у детей вся жизнь впереди и они еще успеют навалиться на кроватях, а вот ей, видимо, не так много осталось, да и вообще лежит она на кровати не столько ради удовольствия, сколько по делу. Лежащий рядом с ней мужчина был сантехник, вызванный для починки унитаза, который починить оказалось невозможно по причине отсутствия самого унитаза, но оставить человека без платы за ложный вызов было бы просто неприлично, а поскольку денег у Нинки не было, пришлось...

Через неделю, после того как были собраны свидетельские показания соседей, дело было подготовлено для передачи в суд на предмет лишения Беликовой родительских прав. Суд состоялся, но сначала маму вызвали к городскому прокурору вместе с Беликовой и ее младшими детьми, поскольку из двух старших один уже сидел в детской колонии, а второй был в бегах.

Прокурор, который только что был переведен на эту должность с должности заведующего отделом агитации и пропаганды горкома партии, решил, что мама недостаточно агитирует и пропагандирует своих подопечных и потому они себя так асоциально ведут. Он решил дать маме в некотором роде мастер-класс этой самой агитации и пропаганды. Во время мастер-класса Нинка вела себя тихо и даже дремала, поскольку была не очень трезва, а вот маленькие дети прокурора не слушали, залезали под стулья, столы и в ответ на прокурорские просьбы немедленно вылезти и сидеть смирно хохотали, совершенно не по-детски ругали прокурора последними словами и даже предложили ему покинуть кабинет и уйти далеко – в те места, откуда не видно даже самого здания городской прокуратуры. Через полчаса или даже раньше прокурор сдался.

Лишение родительских прав в далекие шестидесятые годы проходило принародно, в здании какого-нибудь клуба или дома культуры. Приглашались все желающие, а нерадивых родителей, уже попавших в поле зрения милиции, специально приглашали повестками. Зал всегда был полон. Присутствующие соседи, сослуживцы и просто незнакомые люди живо и непосредственно реагировали на происходящее возгласами, которые мы не будем здесь приводить, поскольку они

далеко не всегда были цензурными. Из присутствующих маме запомнился папаша, у дочери которого после фестиваля молодежи и студентов родился совершенно черный сын. Папаша требовал от властей этого дела так не оставлять и отправить своего внука к отцу в Африку. Он писал по этому поводу заявления в милицию, в прокуратуру и, наверное, в «Спортлото». Ни милиция, ни прокуратура, ни даже «Спортлото», которое обязано было откликнуться, не отзывались. Правду говоря, он и приходил на подобные мероприятия только для того, чтобы публично озвучить свои требования.

Родительских прав Нинку лишили. Потом прошел год. Потом еще десять и еще десять или пятнадцать. Дети Беликовой выросли. Почти все они, каждый в свое время, состояли у мамы на учете. Одна из девочек, кажется, ее звали Таня, после того как стала совершеннолетней, попала в колонию за кражу, писала маме оттуда письма, потом освободилась, взялась за ум, стала работать и даже вышла замуж за инженера.

Следы двух ее братьев потерялись – уехали на Север, на заработки и пропали из виду. Еще один стал театральным администратором. Танина сестра Люда никуда не поехала, осталась в Серпухове и в середине восьмидесятых или в начале девяностых годов работала продавцом в палатке, где торговала печеньем и конфетами. Тогда из кондитерских изделий в продаже были только дырки от бубликов, а у Люды для мамы всегда были соевые батончики – те, которые при советской власти успешно притворялись конфетами. Маме они нравятся. Шоколадных конфет она не ест. Говорит, что от них у нее болит печень. Я так думаю, что от этих батончиков может заболеть все что угодно, но спорить с подполковником милиции, пусть и в отставке, у меня нет никакого желания.

Перехода к эпизоду я делать не буду, а просто скажу, что маму многие из ее подопечных любили. Особенно родители этих подопечных. Иногда приходили к нам домой благодарить за то, что мама уберегла их ребенка от тюрьмы. Приносили подарки. Мама не брала даже цветов. Родители обижались. Иногда очень. Одна бабушка принесла со своим внуком, которого растила одна, мешок картошки за то, что мама отбила внука от плохой компании и не позволила отчислить его из техникума. Мама вышла из берегов, и тогда бабушка встала перед ней на колени. Мама открыла рот... Тут в коридор вышел папа и тоже открыл рот. Бабушку подняли с колен, их с внуком напоили чаем и отправили домой вместе с мешком. Через какое-то время нам в дверь позвонила соседка и сказала, что возле нашей двери стоит мешок с картошкой. Хорошо бы его забрать, а то народ у нас такой – сейчас мешок стоит, а через минуту его и нет.

После ухода в отставку мама проработала еще семнадцать лет психологом в колледже и в семьдесят семь лет окончательно ушла на пенсию. Из трудных детей, которых она могла бы воспитывать, остались только мы с сестрой. Что вам сказать...